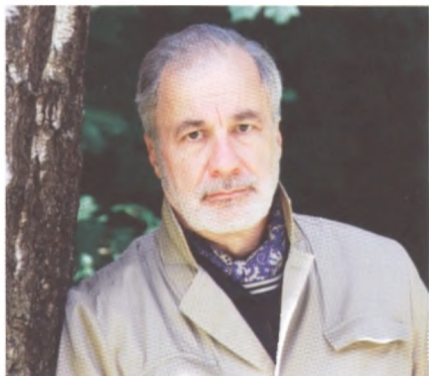

Армен Сергеевич Сардаров, декан архитектурного факультета БНТУ, уже 3,5 года является членом Научно-методической Рады по охране историко-культурного наследия. Однако его профессиональный интерес и личное внимание прикованы к этой теме более 20 лет. Мы обратились к Армену Сергеевичу с просьбой порассуждать о состоянии дел и существующих проблемах в реставрационном процессе в Беларуси, о трудностях «трансляции» истории в день сегодняшний.

Армен Сардаров: “Образ памятника – это образ времени”

– Реставрация во многом зависит от грамотного и плодотворного сотворчества всех сторон, участвующих в этом процессе: заказчик, подрядчик, научный руководитель должны действовать сообща, во имя одной цели. Их взаимодействие – это уже некий результат, показатель отношения к реставрации, которое всегда начинается с отношения к историческому наследию как явлению и к каждому конкретному памятнику как ценности. Как это отношение формировалось и реализовывалось в Беларуси?

– Думаю, что в разные периоды нашей истории отношение к реставрации формировалось по-разному. Равно как и к памятникам. Еще в довоенные годы у нас существовала прекрасная научная школа. Был такой замечательный ученый Николай Щекатихин, который одним из первых начал системно изучать архитектуру Беларуси, ее историю. Конечно, и раньше, начиная с XIX века, российские, польские ученые писали на эту тему, но лишь об отдельных памятниках, каждый в контексте своей истории. А он заговорил об архитектуре Беларуси как историческом целом. Это революционно. После войны появились новые исследователи: Ю. Егоров (градостроительство), В. Чантурия (объемная архитектура), москвичка Е. Квитницкая (изучала белорусскую материальную культуру).

А вот школы реставрации практически не было. Некоторые памятники поддерживались (причем далеко не с научных позиций, а просто чтобы окончательно не разрушились), но большая часть их, преимущественно сакральные, фактически гибли. Почему? Да потому что все, связанное с религией, в силу идеологии отменялось. В советское время такие памятники либо уничтожались (и мы это прекрасно знаем. Я сам встречал инженеров, которые рассказывали об участии в подрывах), либо использовались как зернохранилища, клубы, школы. То есть существовал мощный идеологический негатив. То же самое можно

сказать не только о культовых памятниках, но и об усадьбах (“сядзібах”) – “чуждом” наследию эксплуатирующего класса. Повезло Несвижскому замку, который превратили в санаторий, – его содержали в надлежащем состоянии, необходимом для функционирования. Но это единичный случай. Целый ряд усадеб был просто разрушен или разобран предприимчивыми местными жителями на строительные материалы.

Так что говорить о реставрационной школе в этот период практически не приходилось.

И вот мы вступили в новый век. Независимая Беларусь, перемены в умах, духовной, материальной жизни... Стали переосмысливаться и подходы к историческому наследию. Прежняя идеология уже “снята”. Но возник и отрицательный аспект, проявившийся в том, что на первый план вышли деньги, коммерция, рыночные отношения, которые стали диктовать свои формы.

– И это создало определенные трудности...

– Я бы первоначально обозначил проблему не во взаимоотношении сторон-участниц реставрации (заказчик, подрядчик, научный руководитель), а в самом подходе.

Стало бытовать мнение: главное – памятники должны давать доход. Мне пришлось бывать в Италии, Греции, Испании – странах с богатым архитектурным наследием. Нигде получение дохода с памятников не является самоцелью, финансовая выгода лишь сопровождает государственное, общественное отношение к памятникам. Это первая проблема, о которой, считаю, следует упомянуть.

– И, к сожалению, не последняя...

– Когда заговорили о Беларуси как о независимом государстве, всерьез заинтересовались историей культуры, стали сразу и много заниматься реставрацией. Профеосио-

Руины замка в Криво

нальных кадров тогда по сути не было и не существовало четкой, крепкой связи между наукой и теми организациями, которые проводили работы по реставрации. Но реставрация – это кроме всего прочего и значительный строительный процесс. А он тоже стал у нас самоцелью. Как известно, любой строитель, не только реставратор, заинтересован в объемах работ и ставит их во главу угла. Стали лоббироваться интересы строителя за счет потребностей в объемах работ. И все это сопровождалось порой недостаточно высоким уровнем научного руководства. Это еще одна проблема.

Ведь что такое сегодня научный руководитель? Часто в силу того, что специалистов мало, им становятся просто практики-архитекторы. К примеру, проектная организация берет за реставрацию того или иного здания (района города). Главный архитектор, получив задание, приходит и заявляет: я готов взять научное руководство на себя. Здесь, на мой взгляд, и кроется противоречие. Поверьте, это не только мое мнение, но и многих наших ученых, историков архитектуры. Ведь научную квалификацию никто не отменял, поскольку существуют Закон о науке, Высшая аттестационная комиссия, которая ее и определяет.

Сейчас по действующему Закону об охране историко-культурного наследия научных руководителей могут назначать и органы охраны памятников и наследия. Все это порождает последующие проблемы. Считаю, должна быть моно-система, ответственная за назначение научного руководителя. Ведь по сути в его руках дальнейшая судьба и жизнь памятника архитектуры.

Что же происходит в реставрации? Научными руководителями стали назначать практиков (безусловно, имеющих опыт в определенной области). Есть среди них люди деликатные, знающие, не безразличные к тому, что происходит в рестав-

рации, обеспокоенные научным обоснованием – фундаментом своих действий. Но в ряде случаев встречаются и те, у которых все-таки недостаточно квалификации. Да, он архитектор, причем с определенным опытом. А соответствующие органы, чтобы не блокировать мощный процесс реставрации, происходящий сегодня (здесь задействовано и освоение инвестиций), назначают его научным руководителем. Вот в чем проблема, причем очень серьезная. Она должна решаться в рамках наших культурных традиций, а также государственных интересов, которые существуют в сфере научной квалификации.

В реставрационной триаде научный руководитель – очень важное звено. И он должен обладать глубокими знаниями в области истории архитектуры Беларуси, международной теории реставрации.

На память приходит один интересный факт. Основатель и первый президент Международной организации по охране архитектурного наследия ICOMOS Петро Гаццолла сказал, что если реставрация делается неопытными руками, лучше вообще не трогать. Он высказался даже сильнее: "Лучше пусть памятник разрушается, чем плохая реставрация". Понимаете? Уже в первоисточках этого всемирного движения было заявлено, что неквалифицированная реставрация несет огромную опасность.

Проблемы сегодняшнего дня я бы обозначил следующим образом:

- коммерциализация памятников;
- активная позиция строительного лобби, которые озабочены прежде всего объемами работ, и недостаточно высокие критерии подхода к реставрации;
- порядок назначения научных руководителей.

– Реставрация – процесс филигранный, деликатный. Здесь цена ошибочного решения очень высока. Какая ошибка, на Ваш взгляд, наиболее опасна?

– Утрата образа. Когда начиналась реставрация Мирского замка – это было 20 лет назад, – я выступил со статьей в журнале “Беларусь”: одумайтесь, что мы делаем? Мы строим новую стену из газосиликатных блоков и современного лицевого кирпича, теряя образ!..

– И в более поздних публикациях Вы часто затрагивали эту тему – в статьях о Лошице, о башне Несвижского замка...

– Сейчас заговорили о том, чтобы вернуть Несвижской башне прежний облик. И слава богу. Если мы этого добьемся, то история белорусской архитектуры будет нам благодарна. Да и потомки тоже.

Возвращаясь к Мирскому замку... Не будем спорить о нем самом, поскольку он уже есть. Но благоустройство его выполнено, к сожалению, на недостаточно высоком уровне и абсолютно не соответствует понятию исторической среды. Памят-

Игнорирование исторического архитектурного контекста: реконструкция стадиона “Динамо” в Минске

ник не может быть локализован – он воспринимается только в среде. Архитектурные законы в целом – это законы, связанные с визуальным восприятием, и памятник не существует как некий объект вне человеческого зрения, зрительной памяти. Он должен смотреться в визуальном контексте. И чем данный контекст будет ближе к его историчности, облику, сущности как объекта нашей истории, тем сильнее будет воздействовать на зрителя. А если мы его поместим, как товар на витрину, – пусть и добротный сделанный, он работать не будет. Без среды и контекста это самообман. По сути, мы должны передать образ времени – такова архитектурная задача.

– Действительно, памятник – не только материальный образ, но и особая атмосфера, которую он создает вокруг...

– Об этом я пишу в статье о Минском замчище (газета “Культура”, 23.01.2010, № 4). Вообще надо сказать, наши архитекторы интересно работают, создают замечательные объекты. Но когда речь идет о таком проекте, как Замчище – а это священное сакральное место, колыбель Минска, – мы должны крепко подумать: каким ему быть, как оно будет выглядеть со стороны ул. Богдановича, набережной Свислочи, со стороны Немиги и т.д. Если получится новострой – образ древнего сооружения не возникнет.

То же самое касается Лошицы: главное – сохранить дух старой усадьбы. А это сложное, тонкое дело. Приведу пример. В Несвиже есть очень красивое место. Когда переходишь по насыпи к замку, оборачиваешься и видишь фарный костел на фоне воды – изумительное зрелище. Но как только внизу у озера поставили пивные палатки, все разрушилось, чудо исчезло. Знаю, оппоненты ответят: мы развиваем туристскую инфраструктуру. Так надо было продумать раз-

“Архитектурные фантазии” в реставрации: башня Несвижского дворца

мещение этих “инородцев”, чтобы они не вклинивались в существующую историческую среду.

Убежден: **приступая к реставрации, всегда следует тщательно обосновать подход к созданию образа памятника**, который кроется не в чертежах и выдержанных размерах, а в особой ауре, тонком ореоле духовности.

Кстати, с этой точки зрения мы незаслуженно игнорируем руины, которые тоже имеют право на существование. Руины иной раз ценнее, чем плохо отреставрированный объект: в них хранится мощный энергетический посыл из прошлого. Они создают неподражаемый образ старины, уходящего времени – в этом как раз и заключен их смысл.

А когда мы подновляем памятники открыто бросающимися в глаза современными методами, материалами (довольно часто примитивно и буквально), истинная энергетика утрачивается.

Есть хорошее белорусское слово “сапраудны”. В нем особое звучание – так и слышится: “быть с правдой”. Оно более сущностное, чем русское “настоящий”, которое словно намекает на некую денежную стоимость. Мы должны делать “па-сапрауднаму”, с правдой. Что является правдой памятника? Наверное, память, которую он транслирует, история, некий ее знак, символ. А когда символ выглядит как гламурная картинка...

Так что не следует, как у нас часто случается, восстанавливать, отстраивать к какой-то дате, с опережением графика. В результате такой поспешности и появляются новоделы.

– А на самом деле образ памятника должен пройти своего рода проверку временем...

– Да, его образ во многом связан с передачей духа времени. Он должен быть “отпечатан” – чтобы вызывать у людей соответствующее чувство.

Чуждый памятнику материал: использование металлочерепицы типа "Раннила" на усадебном доме в Городце (Шарковщинский р-н Витебской обл.)

процесс не должен подменяться эрзацами или суррогатами. Примеры тому у нас уже были. Помнится, в советское время расцветали "народные" ансамбли, которые одевались в невероятные пестрые одежды, ничего общего с подлинно народным не имевшие. И когда спрашивали, как у нас развиваются национальные культуры, в доказательство лояльности к национальному развитию предьявляли эти коллективы.

– Наверное, развитию национальной самоидентификации мешает и определенный духовный нигилизм, который накапливался не годами – веками?

– Да, были периоды, когда отвергалось предшествующее. Все это накладывало отпечаток и на сознание людей. В нашей истории символы прошлого столько раз с легкостью отменялись "новыми хозяевами жизни". Но нельзя допустить, чтобы нигилизм передавался по наследству.

Игнорирование цвета и фактуры материала памятников: покрытие акриловой краской стен дома по ул. К. Маркса, 5 и дома по ул. Володарского, 26 (бывшее здание Либаво-Роменской ж/д) в Минске

Тут мы сталкиваемся еще с одной проблемой. Не все упирается в министерства, департаменты, чиновников. Очень многое зависит от общества и общественного сознания. Сегодня наше общество живет журнальной красотой, изображением в телевизоре – ярким, пестрым, быстро меняющимся. Психология молодежи такова: не думай о старости, *carpe diem* – живи сегодняшним днем. И такой настрой преобладает, доминирует в умах. Нам важно научиться воспринимать жизнь как естественный процесс, имеющий разные возрасты, разные лики, научиться осознавать время как имеющее глубину и разные измерения – для того чтобы мы не ощущали себя однодневками, чтобы чувствовали за собой предков, понимали, что нити, протянутые из прошлого в будущее, затрагивают нас и влияют на день сегодняшний. Это один из ключевых моментов национальной самоидентификации, которая, на мой взгляд, еще только начала формироваться. И данный

Подлинная фактура кирпичной кладки (ул. К. Маркса, 12а)

Должны прорасти новые ростки, отвергнута формалистика. У белорусов огромный исторический потенциал, связанный с особенностью исторического пути, с восприимчивостью к другим культурам. Все это сложилось в некий сплав национального менталитета.

На территории Беларуси на протяжении веков существовали разные культуры, и их нельзя противопоставлять одна другой. Надо научиться их понимать и чувствовать как собственные, обрести к ним уважительное отношение, особенно к архитектурному наследию. И сберегать с пониманием того, что образ памятника – это образ времени.

И тогда мы не станем использовать акриловые краски на наших «цагльных» фасадах, которые взывают о помощи: не та поверхность! Не станем использовать современный лицевой кирпич и многое другое, что не «к лицу» будет 200-летнему «старцу». Раньше обжиг компьютером не контролировался и каждый кирпич имел свою жизнь, свой дух, свою цветовую гамму. Сегодня на многих наших памятниках совершенно однородная (одинаковая) поверхность – и сразу чувствуется «несапрауднасць». Иногда и по форме выдержано, но не выдержано по материалам. Значит, надо искать более правильные подходы.

Моя позиция такова: не всегда следует торопиться с реставрационно-строительными работами, вернее, с их объемом. Это ведет к по-

пешным решениям, которых, увы, немало. Иногда достаточно памятник поддержать, сохранить, тем более что приемы, технологии в арсенале реставраторов есть. Надо их больше изучать. Может, в финансовом отношении это не всегда выгодно, но иного выхода нет.

Нам импонируют памятники Египта, Италии, Греции – полуразрушенные, с отметинами времени. Ведь никто не бросается сделать их такими, как они выглядели 3–4 тысячи лет назад. И не вторгаются в канву времени сознательно – чтобы не нарушить правду времени, правду памятника, чтобы сохранить духовную нить, связывающую с прошлым.

– Вы могли бы назвать примеры удачных, достойных реставрационных работ в Беларуси за последнее время?

– Я не хочу сказать, что в реставрации у нас все плохо. Просто мы говорим о проблемах, которые следует обозначить, над которыми следует работать.

Есть примеры, заслуживающие уважения с точки зрения реставрации и подхода к ее осуществлению. Среди наиболее удачных стоит назвать усадьбу «Чырвоны Бераг» (научный руководитель А.Н. Кропотов). Может, этот объект и не на слуху, но реставрация там идет достойно. Я видел и технологию, и качество работ, и отношение к этому памятнику. Там все грамотно подобрано, сохраняется аромат времени. Жаль, что не на всех наших знаковых памятниках достигается такой уровень.

На мой взгляд, совсем неплохо реставрированы Каменецкая вежа, недавно рассматривали на заседании Рады часовню-усыпальницу Паскевичей в Гомеле. Она тоже хорошо воспринимается.

Не во всем я согласен с работами по Несвижскому дворцу. Но ряд элементов выполнен на достойном уровне, особенно интерьеры. Хорошая работа – горжусь, что у нас есть такие специалисты.

– Будущее наших памятников, будущее реставрации как особого вида архитектурной деятельности связано с теми, кто учится сегодня. Недавно открылся филиал архитектурного факультета, который готовит выпускников по специализации «архитектор-реставратор». Скоро предстоит первый выпуск...

– В этом году мы выпускаем 14 человек. Есть отличные одаренные ребята, которые озабочены вопросом сохранения нашего исторического наследия, на них можно будет положиться. Они любят свою страну, ее культуру, традиции, памятники, всерьез занимаются их изучением. Хочется надеяться, что проблемы, с которыми им придется столкнуться, будут творческими, а не конъюнктурными, обусловленными коммерческой необходимостью.

Конечно, для человека, связанного с реставрацией, важны не только профессиональные знания, но и моральная позиция, в том числе отношение к культуре, наследию, к своей земле, ее истории. Главное – что человек делает и как отвечает на вызовы времени. Да, на него будут давить, навязывать какие-то решения. Но надо сохранить свое Я, свою совесть.

– Можно сказать, что мелочей в реставрации не бывает, важна позиция каждого участника процесса?

– Безусловно, позиция и мнение автора проекта, архитектора очень важны. Способность идти

Зримый образ времени: руины Гольшанского замка

Памятники, сохранившие архитектурный образ после реставрации:
Станиславовский костел в Мяделе,
Каменецкая вежа

на компромиссы заложена в характере человека, но идти на них можно до определенного момента. Если компромиссы приводят к серьезным утратам в эстетике, а в сфере реставрации – к утрате духовной памяти, то им человек должен противостоять. И противопоставлять свои знания. Патриотизм, если хотите. В моем понимании, он проявляется и в отстаивании профессионального мнения. Если мы воспитаем настоящих профессионалов, уверенных в своих действиях, то во многом поможем своей стране. В реставрации это – не лозунги, не громкий пафос.

– Получается, реставрация сродни ходьбе по канату: важно соблюсти баланс, сохранить равновесие между компромиссами и принципами?

– Да, всегда надо иметь в виду, когда и чем можно поступиться, когда и с чем пойти на компромисс. Например, нельзя говорить о целостном воспроизведении комплексной исторической застройки, особенно в городах. В ряде случаев речь может идти о приспособлении. Не надо этого бояться – жизнь требует современных решений. Но есть абсолютно святые памятники: Мир, Несвиж, Коложа... Это символы нашей истории, и здесь компромиссов быть не должно – необходим

суперювелирный подход, нейрохирургический, если можно так сказать: каждый кирпич, каждый элемент или восстановлен, или сохранен в том виде, в каком был. К тому же у нас есть замечательная научная школа.

Многое из того, что накоплено белорусскими исследователями, должно перейти в реальную жизнь. Но связь этого процесса с процессом реставрации, охраны памятников, на мой взгляд, пока недостаточная. Она еще нуждается в усовершенствовании.

– Значит, надо мыслить по-современному, не теряя связи с прошлым?

– Думаю, это достижимо. Например, предстоит «вести» в уже сложившуюся среду новострой. Так давайте сделаем это уважительно, аккуратно. А та легкость, с которой мы иногда относимся к раритетам, настораживает, даже пугает. Все-таки контекст архитектуры – очень важная смысловая вещь. Важная для сохранения традиции и образа данного места.

Не надо быть поспешным. Часто на всплеске эмоций, на гребне борьбы за новое в архитектуре мы начинаем строить без оглядки и осознания конкретного места. И что получается?... Важен баланс между уважением к прошлому и необходимостью изменений сегодня. Его всегда можно найти. Можно быть современным, не теряя связи с прошлым. Тогда мы увидим в наших памятниках образ времени...

Беседовала Ольга Машарова

